

Ирина АНАСТАСИАДИ (Греция)

Андре Шенье: всегда — только правду!

Человек, о котором я хочу вам рассказать, несомненно, принадлежит истории. Именно его образ воплотили Пушкин в элегии «Андрей Шенье», Альфред де Виньи в романе «Стелло» и Виктор Гюго в поэме «Легенды веков». Ему посвятили баллады, песни, исторические исследования и даже оперу. Почему?

Пушкин назвал его певцом «любви, дубрав и мира». Но достаточно ли быть великим поэтом, чтобы тебе посвятили такое множество творческих работ? Вероятно, нет.

Его судьбу и творчество резко изменила назревающая во Франции революция. Шенье не участвовал в заговорах, но выражал антиякобинские взгляды в своих произведениях.

Время, когда Шенье вышел на литературное поприще, особенное: во Франции буйным цветом цвела эпоха Просвещения. Эпоха, наложившая свою печать как на литературу и поэзию, так и на философию, науку и даже политику. Никогда, наверное, французская мысль не торжествовала так полно, как в те годы.

И действительно, французская литература эпохи Просвещения представлена прекрасными прозаиками, но новое мировоззрение в поэзии демонстрирует один лишь Шенье. Он первый порвал с холодной рассудочностью европейского классицизма, наполнив поэзию неподдельными чувствами, используя язык и образность древнегреческой античности.

Надо сказать, любовь ко всему древнегреческому поэт получил от своей матери-гречанки Элизабет Ламакки. Его отец, француз по происхождению, сначала был представителем Совета неогонимов Франции в Константинополе. Очень быстро Луи Шенье стал своим человеком у посла Франции в Турции, а в скором времени и сам занял отличный пост в посольстве.

Блестяще образованная Элизабет вырастила сына в преклонении перед культурой Древней Эллады. Полученные им знания, включившие в себя греческий классицизм наравне с французским либерализмом, и определили творческую манеру Андре Шенье.

Вдумчивый ученик античных лириков, он подражал им в своих элегиях и одах. Впоследствии этот его новый стиль, основанный на классических примерах, вызвал восхищение великих поэтов-романтиков: Батюшкова, Баратынского и даже Пушкина. Шенье выбрал для нового цикла испытанный старинный жанр обличительного стихотворения, ориентируясь на древнегреческого поэта Архилоха. При этом Шенье остался сыном своего времени и представлял особый новый гуманизм, который возник в некоторых избранных умах на исходе ложно-классической поры французской образованности.

В 1789 году Франция бурлила. Все ищущие умы охватило желание преобразить общество. Правда, как это всегда случается, каждая группа представляла перемены по-своему. Шенье не мог остаться в стороне. Когда пала Бастилия, он был в Лондоне. Полный энтузиазма, поэт ри-

нулся на родину и сразу же включился в бурную послереволюционную жизнь. Именно тогда он создал восторженную революционную оду «Клятва в Зале для игры в мяч».

Шенье примкнул к «Обществу Трюдэнов», основанному его друзьями и товарищами по Наваррскому коллежу, братьями Трюдэнами и де Панжами. Это общество ратовало за строгое соблюдение законов и декретов в постреволюционной Франции. Шенье публиковал свои политические брошюры, помещал статьи в газетах и журналах. Постепенно определилась основная мишень его политических выпа-

тически провозглашённые революцией, но понимаемые отдельными её вождями весьма ограниченно.

Шенье и его друзья были обеспокоены антиконституционной деятельностью других обществ Франции, нарушавших созидательную работу избранного правительства. Андре возлагал все надежды на деятельность законодателей. Именно об этом гласит его первая политическая статья «Совет французскому народу о его настоящих врагах», датированная 28 августа 1790 года. Под врагами народа Шенье подразумевал якобинцев, которых он резко критиковал в своих статьях в журнале *Journal de Paris*.

Кроме того, Шенье выступал с речами в клубе «Фельянов», и именно этот успех привёл его в журналистику. С увлечением политикой политизировалась и его Муза: Шенье пишет оду Шарлотте Корде. Горьким предсказанием звучит здесь восхваление «благородной презрительной усмеш-

ки», в пору последних дней якобинского террора, особенно бессмысленных и беспощадных...

Заслуга Андре Шенье в том, что он открыл новые горизонты как для французской, так и для мировой литературы. Не дожив до начала нового века, он тем не менее стоит у истоков поэзии XIX столетия.

Его знаменитые «Ямбы», созданные на пороге эшафота, страстны, образны, яркие иногда даже грубы по форме. В них обобщения чередуются с пророчествами в адрес неких политических деятелей эпохи, предвещая им скорую гибель. Впрочем, ратуя за справедливость, («Мой гнев — законности слуга»), поэт впадает в такую же нетерпимость, как и его враги-якобинцы. Но за личной ненавистью и нетерпимостью к произволу видна боль за родную страну, раздираемую гражданской войной и кружащуюся в вихре выгоды.

Рядом с яростными строками в «Ямбах» звучат элегические ноты. Сильные и искренние, они прежде всего пленяли поэтов-романтиков XIX века:

Так, пробудясь в тюрьме,
печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным речам
Какой-то узницы... И муки,
И ужас, и тюрьму — я всё забывал
И в стройные стихи, томясь, перелагал
Её пленительные звуки.

Или:

Погас последний луч,
пора заснуть зефиру.
Прекрасный день вот-вот умрёт.
Присев на эшафот, настраиваю лиру.
Наверно, скоро мой черёд.

Ямбы выдержаны в древнегреческом стиле, который Шенье так любил. Вероятно, поэтому они и стали для французского образцом великой поэзии, продолжив традиции гражданственной лирики Вольтера и проложив путь поэтам XIX века — Барбье и Гюго.

Весной 1825 года Пушкин написал свою знаменитую элегию «Андрей Шенье», вызвавшую столько споров. В элегии обрисован сидящий в темнице поэт в ожидании неизбежной казни. Меж тем во время создания элегии сам Пушкин жил под надзором полиции в Михайловском. Элегия повествует о трагедии большого поэта, радостно встретившего революционные перемены и павшего жертвой политического экстремизма. Пушкин вкладывает в уста Шенье яркие слова обличения недавних революционеров, узурпировавших власть (как бы в интересах народа), но обернувших её против отдельных граждан, в своей совокупности этот народ и составляющих:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!

В пору народных смут и возмущений поэт может, конечно, и промолчать. Но человеку тонко чувствующему это почти невозможно. На крутых поворотах истории поэты вынуждены сделать свой выбор — не по чьему-либо принуждению, а в силу самой сущности поэта. Выбор, результатом которого нередко становится гибель. Именно так и произошло с Андре Шенье.

дов — жирондисты и особенно якобинцы с их вождями: Бриссо, Робеспьером и Колло д'Эрбуа.

Шенье с жаром отстаивал гражданский мир и законность, интересы граждан вне зависимости от сословной принадлежности. Он считал, что понятие «народ» абстрактно и иной раз просто прикрывает амбиции политиканствующих демагогов. Шенье выступал против террора, справедливо полагая, что низкие страсти не помощники в попытке построить новое общество, где бы все были счастливы.

«Человек добродетельный и свободный, — писал Шенье в одной из брошюр, — подлинный гражданин, говорит только правду и говорит правду всегда и до конца. Отвергает сиюминутную популярность, желая выглядеть значительным в глазах других лишь благодаря своей непобедимой твёрдости в поддержке всего, что хорошо и справедливо, он ненавидит тиранию и преследует её, где только не обнаружит её». Шенье судил трезво. Он видел, к чему могут привести «порывы буйной слепоты». Понимая интересы нации, он отстаивал общечеловеческие идеалы и гражданскую свободу, роман-

ки», с которой надо встречать казнь за свои убеждения. Ода обличает демагогов, в которых Шенье видит новую породу льстецов.

Вот что писал он в одной из своих статей: «Хорошо, честно и сладостно ради строгих истин подвергаться ненависти бесстыжих деспотов, тиранищих свободу во имя самой свободы».

Самыми жёсткими к якобинцам были его статьи «О причинах распри, приводящих в смятение Францию и останавливающих введение в ней свободы» и «Письмо Людовика XVI к французскому народу». Шенье пошёл ещё дальше, предлагая произнести речь в защиту короля. Такого рода политическая деятельность представляла опасность в те времена террора. Якобинцы открыто ненавидели Шенье.

В 1792 году он на время оставил Париж и в тиши Версаля целиком посвятил себя поэзии. Непонятно почему он вдруг вернулся в самый разгар террора. Его арестовали по подозрению в связях с роялистами и отправили на гильотину вместе с Жаном Руже.

Робеспьер пал 27 июля 1794 года. Шенье был казнён за два дня до этого, 25